

ЗА ГОРАМИ
ДРОЗД

— — — — —
◆
— — — — —
АЛЪ КАСАР

Аль Касар

За горами дрозд

«Автор»

2026

Касар А.

За горами дрозд / А. Касар — «Автор», 2026

Некоторые истории начинаются с события. Другие — с трещины, которую невозможно увидеть сразу. Пока привычная реальность медленно распадается, прошлое возвращается в самых неожиданных образах, заставляя заново искать ответы на вопросы, которые казались давно решёнными. Но чем ближе становится истина, тем труднее понять, где заканчивается мир и начинается человек. «За горами дрозд» — роман о памяти, выборе, вине и надежде, где каждая деталь оказывается частью единого замысла.

© Касар А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
“Очарование смертного”	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Аль Касар

За горами дрозд

Глава 1

“Очарование смертного”

*Тени в снегу.
Уходят звери в долины:
Кто будет
гостем?*

На склоне горы, среди заснеженных деревьев, мостится дом. Стеклом и металлом он стесняет окружающее пространство и стоит твёрдой цивилизацией в природе, заполняя пейзаж своим громоздким присутствием. Второй этаж этого строения нахохлился крышей и преспокойно спит. Четыре деревянные балки снизу подпирают покрытую снегом широкую террасу: чуть не падая выступом, она хромает над оврагом, а в длине исчезает за угол. Здесь тихо, но только потому, что среда ещё осмысляется. Невидимая нить мироздания в подозрениях сна пытается определить, не является ли предметная воплощённость всего вокруг просто игрушкой, содержимым хрупкого, стеклянного снежного шара? Температурный столбик на минусе — зима выхаживает стужу...

Испаряющийся с утра туман обнаруживает тут и там разных животных, заплутавших к дому из леса. На первом, в большой просторной комнате — гигантское панорамное окно, выходящее на восточную сторону — туда, куда при первом знакомстве свернула терраса, а теперь стоит разоблачена. Высокий потолок из железного дерева чёрными перекладинами склоняется в правый от панорамы откос, внезапно заканчиваясь навесом книжных полоков. Ветхие фолианты и рукописи смотрели на улицу, где в терпении холода корнятся деревья. Их стремящиеся в ткань пространства ветки раскрывают вдали цепи величественных гор, которые лежат ежовыми коврами над миром, скальными горбами замёрзшие в веках, — очертания их начинаются там, где кончаются кроны безлистья. Уходящий сезон ещё скован февральскими оковами, которые бессильно бьются о стены, оберегающие живое тепло коттеджа. По ковру кожаная лежанка в призматическую решётку, невысокий стеклянный стол и два полукресла. На столе, в скатерти отражения ветвей, лежат сотовый телефон и томик новелл Аллана По, закладка на «Сердце-обличителе». Книгу будто только открыли, страницы совсем не держались. В этом участке комнаты по-мягкому ярко тем особенным светом, когда, отражаясь от снега, озимый перистый луч солнца обретает его холодное настроение и становится матовым.

Тишину дома нарушает только редкое, тяжелое дыхание человека, сидящего на одном из полукресел, почти сливаясь с кожаной обивкой. Одет он в бордовую водолазку и в вельветовые к серому джинсы. У него короткие чёрные волосы и борода средней длины, скулы едва хотят

представиться, а сочетание строгого носа, карих глаз над тёмными кругами и выразительных бровей играет симфонию ворона. Закинув ногу на ногу, он подпирает левой рукой подбородок, задумчиво смотрит в окно, за террасу, по деревьям, через весь горный хребет. Словно каждая его мысль берёт начало в том недостижимом для взора месте и сообщением зренья проникает в сознание: думает о пожилom лесном отшельнике, что застиг его утром.

Внезапно — вороний крик. Он вздрогнул. Долго ждал вторжения, чувствовал, что томительное одиночество будет потревожено. Не то чтобы его предупредили, но обстоятельства этого утра подсказывали, что иначе быть не может. Он встал, медленно зашагал перед окном. Каблуки ботинок препинали мерную поступь точкой, эхо которой разливалось хрусталём по комнате. Послышался лёгкий вой: ветер наплыл на террасу и сразу залёг. Падением обдул жемчужно-бархатный татами за панорамой. В воздух взмыли сахарные махринки и безоглядно полетели за ограду террасы на свиданье с деревьями. Затихло... Станным образом время замедлилось, а крупинки снега забыли гравитацию; устало и нежно они проплывали через пространство, иногда застывая на передышку — в микроскопе внимания их узорчатые мелкие иголки, отливавшие опаловым серебром на морозе, открывали миры зазеркалья в пробелах ледяного орнамента, в которых разум осматривал прежние годы, почти заслонившиеся в тоске: дорога зимой, школа, холодные коридоры с бумажными вырезками снежинок на стёклах окон, беззаботность тихого в детских сердцах, шумное веселье в движениях, замечания учителей, глоток перемены и предвкушение привычного, что скоро станет ланью ностальгии в памяти окоченевших от жизни людей прошлого, по инерции ставших взрослыми.

И опять мёртвое безветрие. Он вернулся и сел в другое кресло. Безотчётно кочнулся назад, где чуть далее двери в подвал, висела репродукция картины «Космическая композиция» Пауля Клее. Полотно жило здесь уже бесконечно, и никогда не было написанным. Прямо под ним глиняный горшок с цветком пуансеттии. Красная, как кровь, она гармонирует с полотном. Отстранение метрического возвращает назад стечением об стол: мужчина погладил колено и зажал чашку костями в скрип кожи. Через стеклянность от пола книжным изгибом в белёсое небо его профиль рисуется красками пасмура.

Время проплывало и расступалось, замирало, теряя сцепление событий и следствий. Как забитая в уши вата, часы, пролетавшие мимо измерений, закладывали разум пеленою минуты. Мужчина поднял грудь и громко выдохнул, смял в безразличие губы и повернул голову к столу, переводя взгляд на поверхность, где увидел чьё-то лицо: нахмуренные брови пали под ношей, а глаза колебались сомнением. Он свёл левую руку с правой, прорезав кисти фалангами пальцев. Потом повернул слившиеся воедино ладони и вытянул вперёд, прохрустев двумя-тремя костяшками. Когда руки освободились, стал продавливать правую ладонь большим пальцем левой, ведя от центра кверху по всем пястным костям, тем самым массируя кисть. Загуляли глаза: то шли к ботинкам, то к часам на руке; вот взгляд подобрался к раме огромного окна, затем перешёл к дальней от мужчины ножке стола, после чего он моргнул — веки опустились в скользком мгновении, а когда он устало поднял их, его взор был снова в мании гор. Ладони теперь потирали одна другую.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.